

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Сергей Солодовников, Вячеслав Щербин

Исследователями разных стран мира разработан к настоящему времени целый ряд принципиально различающихся концептуальных подходов к определению базового (родового) концепта «социальный капитал». В частности, ряд исследователей обосновывает свой подход к определению данного концепта наличием такого базового экономического параметра, как *доверие* (Ф. Адам, Д. Подменик [1, с. 37], В. М. Геец [3, с. 7], А. Попович, В. Прокошин [11, с. 59], С. Ю. Солодовников [15, с. 213], В. К. Щербин [24, с. 41], Р. Патнем [29] и др.). Другая группа исследователей исходит из наличия в обществе так называемых *социальных сетей и связей между индивидами* (П. Бурдьё [2], С. Н. Казакова [6, с. 69], Дж. Коулман [7, с. 125], С. Пономарь [10, с. 29], В. В. Радаев [13, с. 27], М. С. Утина [18, с. 341], Ф. Фукуяма [19, с. 77], С. А. Шавель [22, с. 29], П. Н. Шихирев [23, с. 20], Г. Виден-Вульф, С. Эк, М. Гинман, Р. Перттильо, П. Содергард и А.-К. Тоттерман [27, р. 347] и др.). Отдельные исследователи используют концепт «социальный капитал» исключительно как средство для измерения *социального неравенства* (Н. М. Давыдова [4, с. 169], А. Н. Красилова [8, с. 164], С. В. Сивуха [14, с. 83], Н. Е. Тихонова [17, с. 24] и др.).

При достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек. Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых веществ и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается. Это непосредственно предопределяется необходимостью предоставления большей степени экономической свободы хозяйственным субъектам как основы для получения по-

ложительного синергетического эффекта от усложняющейся экономической системы общества. Во многом поэтому в XX в. в экономической теории возникло и бурно развивается социально-институциональное направление, концентрирующее внимание на социальных механизмах сокращения транзакционных издержек.

Начиная с 1990-х гг. в обществоведении активно обсуждается такая форма капитала, как социальный капитал [см.: 30]. Р. Патнем, задавший направление дискуссии о социальном капитале, определил последний через «характеристики социальной жизни — сети, нормы и доверие, — которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей» [29]. Дж. Коулман отмечает, что эта форма капитала связана с установлением и поддержанием связей с другими хозяйственными агентами. По его мнению, социальный капитал — это совокупность отношений, порождающих действия. Данные отношения связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций [7, с. 122]. Эта одновременная концентрация ожиданий и обязательств выражается обобщающим понятием *доверия* [trust]. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в реципрокность», или взаимность [reciprocity] и, следовательно, выше уровень социального капитала [29]. Объективированную структурную основу социального капитала, как справедливо отмечает В. В. Радаев, «формируют *сети социальных связей*, которые используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций. На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала — принадлежность к определенному *социальному кругу*, или *членство в группе*» [13, с. 27]. Иными словами, «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием устойчивой сетью более или менее инсти-

Авторы:

Солодовников Сергей Юрьевич — доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Экономика и право» факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета

Щербин Вячеслав Константинович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси

Рецензенты:

Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Лученок Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом макроэкономического регулирования и развития бизнеса Института экономики Национальной академии наук Беларуси

туционализированных отношений взаимного знакомства и признания, — т. е. с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала [*collectively-owned capital*]» [25, р. 102—103].

Вместе с тем, П. Бурдьё подчеркивает, что социальный капитал — это нечто большее, нежели просто сеть групповых связей. Его природа предполагает трансформацию устойчивых отношений, таких как соседство, отношения в коллективе коллег и даже родственные связи, в отношения, являющиеся «необходимыми и выбранными, которые предполагают длительные субъективно-эмоциональные обязательства (чувства благодарности, уважения, дружбы и т. д.)» [25, р. 103]. Поскольку социальный капитал распределяется между элементарными социальными группами и классами неравномерно, то он выступает в качестве важного фактора воспроизводства социально-классовой структуры общества. Измерение социального капитала, как справедливо отмечают социологи, возможно только через степень включенности в те или иные сети, а также через институциональные характеристики самих этих сетей [см.: 12].

В настоящее время в качестве первой концептуальной проработки категории «социальный капитал», хотя само это понятие и ранее встречалось в научной литературе, справедливо признается публикация статьи Д. Коулмана «Капитал социальный и человеческий». Следует согласиться с российским экономистом И. Е. Дискиным, что «без ознакомления с ней... довольно затруднительно прояснить, ответом на какие проблемы и вызовы экономической теории стала разработка концепции “социального капитала”. В свою очередь, проникновение в “теоретическую кухню” формирования концепции позволяет глубже понять не только теоретические, но и методологические посылы, без которых участие российских исследований в развитии соответствующей теории будет существенно менее плодотворно» [5]. При этом, исходя из требований, предъявляемых к современной социально-экономической гносеологии, на наш взгляд, следует попытаться дать внутренне не противоречивые определения понятий, использованных Дж. Коулманом при выработке парадигмы социального капитала как продуктивной интеграции традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими построениями. «Такая интеграция, — подчеркивает И. Е. Дискин, — оказалась одним из приоритетных направлений развития экономической теории. Достаточно указать, что в последние годы Нобелевские премии по экономике присуждаются ученым, работающим на стыке экономики и социологии (рациональный выбор и этические элементы, микроэкономика). Вполне отчетливо прослеживаются взаимосвязи «социально-

го капитала» с институциональной и эволюционной экономикой. В многочисленных последующих работах, посвященных развитию концепции “социального капитала”, эти взаимосвязи получили свое развитие. По существу, “социальный капитал” сегодня прочно встроен в структуру институционального подхода» [5].

Перед тем как приступить к раскрытию понятия «социальный капитал» в статье «Капитал социальный и человеческий», Дж. Коулман отмечает, что «существуют два научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение. Первое, характерное для большинства социологов, рассматривает актора как социализированный элемент, а его поведение — как управляемое социальными нормами, правилами и обязательствами... Для представителей другого направления, включающих большинство экономистов, характерен подход к акторам (в данном контексте это синоним понятия субъекты. — С. С., В. Ш.) как к лицам, принимающим самостоятельные решения и действующим независимо, руководствуясь собственными интересами» [7, с. 122].

В связи с тем, что оба выделяемые Дж. Коулманом научные направления, описывающие и объясняющие социальное поведение «имеют серьезные недостатки» [7, с. 122], то, по его мнению, необходимо «взять концептуальную основу одного направления и инкорпорировать в нее элементы другого, не нарушая общей структуры» [7, с. 123]. Дж. Коулман преследовал определенную гносеологическую цель, которая заключалась «в использовании экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем, при этом не ограничиваясь рассмотрением экономических систем и выполняя анализ таким образом, чтобы не выпадала социальная организация» [7, с. 123].

«Концепция социального капитала, — отмечает Дж. Коулман, — инструмент, который помогает выполнить подобный анализ» [7, с. 123]. Далее он указывает, что «социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов (субъектов) внутри структуры, будь то индивид или корпорация. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Подобно физическому и человеческому капиталу, социальный капитал не имеет своей строгой дефиниции, но он может обладать специфическими характеристиками в определенных сферах. Данная форма социального капитала имеет свою ценность в упрощении определенных действий, которая

может оказаться бесполезной или даже вредной для других» [7, с. 124]. В отличие от других форм капитала социальный капитал, пишет Дж. Коулман, «свойственен структуре связей между акторами и среди них. Это не зависит ни от самих акторов, ни от средств производства. Более того, организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), так же как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов также могут создавать для них социальный капитал (при этом наиболее известным примером является обмен информацией, которая позволяет устанавливать фиксированные цены в пределах одной отрасли)» [7, с. 124].

Функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. Социальный капитал еще менее осязаем, чем человеческий капитал, «поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, — подчеркивает Дж. Коулман, — социальный капитал облегчает производственную деятельность» [7, с. 126].

Как известно, всякое общество является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп. «Степень интенсивности функциональной связи и ее характер, — пишет П. А. Сорокин, — такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении» [16, с. 18]. Ученый указывает, что социальная разновидность процессов взаимодействия или характер связей «влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами — с одной стороны, с другой — принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей» [16, с. 18].

Именно это многообразие социально-экономических субъектов, порождаемое и воспроизводимое существующими формами разделения труда, обуславливает: во-первых, невозможность экономичного (оптимального) согласования интересов разнообразных субъектов схожей и различной степени интегрированности без использования социального ка-

питала, во-вторых, возможность негативного воздействия на эффективность функционирования экономической системы общества некоторых развитых форм социального капитала в ряде локальных экономических систем и субъектов (например, высокая степень доверия и взаимопонимания между руководством предприятий, совместно обеспечивающих основную долю производства продукции в той или иной отрасли, делает возможным монопольное повышение ими цен на свою продукцию без юридического или иного формализованного оформления ими «картельных» соглашений) и, в-третьих, существование в современной социально ориентированной рыночной экономике механизмов согласования результатов функционирования различных форм социального капитала с целью создания наиболее благоприятных условий для усиления экономической жизнеспособности социума и обеспечения максимально возможного для данного уровня общественного развития социального равенства.

Социальный ресурс (или потенциал), оформляющийся при определенных условиях в социальный капитал, зародился на заре человеческой истории вместе с развитием трудовых отношений, возникновением и углублением разделения труда и порождаемой этим социально-классовой дифференциацией индивидов. Поскольку существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда, постольку значительное увеличение численности населения всей планеты и отдельных ее регионов за последние десять тысяч лет стало возможным за счет значительного повышения производительности общественного труда, что было обусловлено как инновационными способностями людей и углублением разделения труда, так и совершенствованием различных общественных механизмов согласования интересов все более разнообразных социальных и социально-классовых субъектов, в том числе и за счет развития социального капитала.

Эффективное функционирование трудовых отношений невозможно без использования социального капитала. В свою очередь, именно в процессе становления общества разделенного труда формировались такие важнейшие составляющие социального капитала, как обязательства, ожидания и надежность структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм, включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности, и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность (способность кумулятивной или элементарной социальной группы, первоначально созданной для одних целей или сформировавшейся для оптимизации своих социально-экономических интересов в

определенных условиях, по мере выполнения этих целей и/или изменения условий трансформироваться в группу, преследующую другие цели).

Как известно, потребность социального субъекта, детерминированная конкретным видом производственной деятельности, форсирует социальную направленность в овладении определенной суммой знаний и формирование соответствующих идей, взглядов, которые и образуют впоследствии вид общественного сознания, т. е. положение, объективно занимаемое субъектом в системе общественного производства, вынуждает его к определенным действиям с целью закрепления или создания оптимальных условий своей жизнедеятельности, которые рефлексируются в соответствующей форме сознания и социального капитала. Все это способствует формированию при определенных социально-исторических условиях конкретного социального типа личности и адекватных ему форм социального капитала.

Поскольку все социальные группы в обществе взаимодействуют друг с другом и при этом стремятся к наиболее оптимальной реализации своих интересов (прежде всего экономических), то все общество объективно должно распадаться на некие большие группы людей, противостоящие друг другу в зависимости от степени совпадения (противопоставления) их интересов (прежде всего экономических). Что же будет предопределять это совпадение (противопоставление)? На наш взгляд, это все та же возможность одних социальных групп присваивать себе труд других (что зависит от их места в обществе и функциональной роли). Для защиты своих экономических интересов происходит стихийное объединение тех и других в социальные классы. Такое объединение выступает в качестве экономической базы образования социальных классов. Р. Дарендорф писал по этому поводу следующее: «Класс — это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней» [26, р. 65]. Вместе с тем, социальный класс — это не только экономическое, но и социальное, политическое и духовно-идеологическое образование.

К. Маркс в «Нищете философии» пишет следующее: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классами по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплавливается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами» [9, с. 183]. По мнению К. Маркса, в процессе возникновения и развития социальных классов складывается такая форма социальной организации, когда люди,

находящиеся в положении, определенном некоторыми критериями (место и роль в системе функционально-трудовых отношений, отношений собственности, управленческих отношений и особые экономические интересы), еще не объединены внутренней связью сознательных (идеологических) отношений, а лишь связаны системой субъективных отношений и объективных зависимостей, существующих в рамках производственных отношений. В таком случае мы говорим, что они образуют «класс в себе», который, правда, не является простой совокупностью, поскольку связан системой объективных отношений, но и не представляет еще «класса для себя», т. е. не обладает еще вполне развитым сознанием своих классовых, экономических и политических интересов. Причем объективные классовые интересы отражаются в субъективном классовом сознании отнюдь не зеркально. Осознание своих существенных, истинных интересов, без чего невозможно превращение «класса в себе» в «класс для себя», неизбежно происходит через систему психологических установок, данных предыдущим историческим опытом. Социальный класс может стать «классом для себя», лишь выработав собственную идеологию. На основе всего этого и происходит его организационное оформление. В случае рассмотрения данного подхода с использованием современного понятия «*социальный капитал*», можно констатировать, что превращение социального класса в «класс для себя» неизбежно сопровождается (вызывается?) ростом социального капитала в этой социально-классовой общности.

Отметим, что под влиянием данного положения К. Маркса о «классе для себя» М. Вебер предлагал разграничивать в социально-классовой структуре «класс» и «социальный класс». Под классом данный автор понимал социальную общность, связанную лишь сходством экономических интересов, экономического положения данной категории субъектов. Категорией «социальный класс» М. Вебер показывал, что высшим проявлением классовой общности служит мобилизующая и побуждающая к коллективным действиям осознанность своих классовых экономических и политических интересов и целей [см.: 31]. В современной научной лексике это называли бы возрастанием социального капитала социальной группы.

П. Бурдьё, как один из признанных специалистов в области изучения социального капитала, также предлагает разграничивать возможные (логические) и реальные социальные классы. Данный автор пишет, что на основании знания экономических и других отношений можно «вычленил классы в логическом смысле этого слова, т. е. классы как совокупности агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловлен-

ностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций» [2, с. 59]. П. Бурдьё справедливо считает, что такой класс «на бумаге» имеет теоретическое существование: «Он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых, ...поведение, ведущее к объединению их в группу... Это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их «мобилизации», чем какая-либо другая совокупность агентов» [2, с. 59]. Превращение логического класса в реальный социальный класс возможно лишь через выработку у его членов чувства позиции, «занимаемой в социальном пространстве» [2, с. 65]. Думается, именно необходимость достижения методологической четкости в понимании процессов социального генезиса заставила П. Бурдьё в дальнейшем принять участие в выработке парадигмы социального капитала, позволяющей уточнить описанный выше процесс классовых метаморфоз.

И. Краус придерживается аналогичной с П. Бурдьё точки зрения в вопросе понимания классов. Он пишет следующее: «Классы... являются конфликтными группами, тот или другой, объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей... классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц» [28, р. 12]. И. Краус также подчеркивает важную роль в процессе формирования социального класса наличия у последнего собственной идеологии [28, р. 15–16], т. е. развитого социального капитала.

Таким образом, правомерен вывод, что в политической экономии попытки исследования общественного явления, обозначаемого в современной науке термином «*социальный капитал*», под которым понимается сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, реализуемого путем информационного обмена, предпринимались уже в середине XIX в. Вместе с тем, по ряду причин гносеологического и исторического характера до кон-

ца XX в. ученым не удалось вплотную подойти к формулированию парадигмы социального капитала. В настоящее время активизация исследований в этом направлении во многом предопределена необходимостью выработки теоретических и практических рекомендаций по изменению государственной социально-экономической политики и сферы приложения усилий общественности в условиях необходимости перехода к постиндустриальному технико-технологическому укладу и создания нового социально-научного сообщества, персонифицирующего этот переход.

В процессе изучения удалось установить следующие феноменологические особенности социального капитала:

1) «социальный капитал представляет определенный вид ресурса, доступный актору» (субъекту) [7, с. 124];

2) доверие как один из основных носителей социального капитала — это «прежде всего, долговременный ресурс экономического роста» [3, с. 7];

3) «социальный капитал коллектива есть тот дополнительный ресурс, который на эмпирическом уровне проявляется как более высокая эффективность по сравнению с диффузной группой такого же состава и аналогичных условий деятельности благодаря сверхнормативной активности и синергетическому эффекту сотрудничества, сработанности, сыгранности в спортивных командах или в музыкальных группах» [22, с. 33];

4) «социальный капитал — это генотипический феномен, который охватывает серию контекстуально определяющих фенотипических приложений» [1, с. 35];

5) «уровень социального капитала может быть высоким лишь в обществе с развитыми гражданскими институтами, которые способны обеспечить высокий уровень социального капитала» [8, с. 164];

6) социальный капитал может иметь позитивную и негативную направленность [10, с. 29];

7) концепт «*социальный капитал*» является «междисциплинарной категорией» [20, с. 81], которая используется сегодня в самых разных науках (социологии, экономике, праве, этике и др.);

8) «социальный капитал в современном белорусском обществе является действенным механизмом и обладает значительным позитивным потенциалом для формирования жизненных ценностей населения» [21, с. 122].

Литература

1. Адам, Ф. Социальный капитал в европейских исследованиях / Ф. Адам, Д. Подменик // Социс. — 2010. — № 11. — С. 35–48.
2. Бурдьё, П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
3. Гец, В. М. Доверие как элемент социального капитала в экономическом развитии Украины / В. М. Гец // Эконом. теория. — 2010. — № 3. — С. 7–19.

4. Давыдова, Н. М. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств / Н. М. Давыдова // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — Вып. 6. — М., 2007. — С. 169—182.
5. Дискин, И. Е. Предисловие к статье Дж. Коулмана «Капитал социальный и человеческий» / И. Е. Дискин // Обществ. науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 121.
6. Казакова, С. Н. Базовые институты формирования социального капитала / С. Н. Казакова // Институциональная экономика — теоретическая основа современных прикладных исследований: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Развитие прикладных экономических исследований на основе институциональной теории и методологии» / под ред. А. В. Черноволова. — Брест, 2008. — С. 69—72.
7. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Обществ. науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 122—139.
8. Красилова, А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе / А. Н. Красилова // Мир России. — 2007. — № 4. — С. 160—180.
9. Маркс, К. Ницета философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — Т. 4. — 2-е изд. — М., 1955. — С. 65—185.
10. Пономарь, С. Социальный капитал политических партий / С. Пономарь // Власть. — 2007. — № 12. — С. 28—30.
11. Попович, А. О динамике социального капитала науки в Украине и Беларуси / А. Попович, В. Прокошин // Наука и инновации. — 2009. — № 3. — С. 59—62.
12. Радаев, В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / В. В. Радаев // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 169—172.
13. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экон. социология. — 2002. — Т. 3. — № 4. — С. 20—32.
14. Сивуха, С. В. Капитализация социального капитала: посулы и реальные дивиденды / С. В. Сивуха // Социальное знание и белорусское общество: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Минск, 2009. — С. 80—83.
15. Солодовников, С. Ю. Очерк 5. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях глобализации / С. Ю. Солодовников // Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации. — Минск, 2006. — С. 199—313.
16. Сорокин, П. А. Система социологии (1920) / П. А. Сорокин. — Т. 1, 2. — М., 1993.
17. Тихонова, Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова // Обществ. науки и современность. — 2004. — № 4. — С. 24—35.
18. Утина, М. С. Социальный капитал как ресурс антикризисной стратегии: региональный аспект / М. С. Утина // Социально-гуманитарные знания. — 2009. — № 4. — С. 341—345.
19. Фукуяма, Ф. Великий разрыв: пер. с англ. — М., 2004. — 474 с.
20. Хмельницкий, С. А. Влияние социального капитала на формирование постиндустриальных трудовых отношений / С. А. Хмельницкий, Н. Н. Хмельницкая // Тр. Минск. ин-та управления. — 2009. — № 1. — С. 81—85.
21. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. — Минск, 2009. — 231 с.
22. Шавель, С. А. Социальный капитал как источник инновационного развития / С. А. Шавель // Социология. — 2008. — № 1. — С. 16—35.
23. Шихирев, П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / П. Н. Шихирев // Обществ. науки и современность. — 2003. — № 2. — С. 20—24.
24. Щербин, В. К. Социальный капитал науки среди сопредельных понятий / В. К. Щербин // Социология. — 2008. — № 1. — С. 35—42.
25. Bourdieu, P. Forms of Capital / P. Bourdieu // The Sociology of Economic Life. — Boulder, 2001. — P. 102—106.
26. Dahrendorf, R. Class and Class Conflict in Industrial Society / R. Dahrendorf. — Stanford: Stanford University Press, 1959. — 358 p.
27. Information Behaviour Meets Social Capital: a Conceptual Model / G. Widen-Wulff [et al.] // Journal of Information Science. — 2008. — Vol. 34. — N 3. — P. 346—355.
28. Kraus, I. Stratification, Class, and Conflict / I. Kraus. — N. Y.: The Free Press, 1976. — 520 p.
29. Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam // Prospect. — 1996. — March. — P. 66.
30. Social Capital: Critical Perspectives / ed. by S. Baron, J. Field, T. Schuller. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 317 p.
31. Weber, M. The Theory of Social and Economic Organization / M. Weber. — N. Y.: The Free Press, 1947. — 446 p.

«Феноменологическая природа социального капитала» (Сергей Солодовников, Вячеслав Щербин)

Раскрывается сущность социального капитала как социально-экономического феномена. Под последним понимается сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, реализуемого путем информационного обмена. Раскрывается институциональная основа социального капитала, анализируются факторы, обуславливающие его изменение. Доказывается, что специфическим свойством социального капитала является то, что его совокупное количество в обществе не является суммой социальных капиталов всех его социальных и социально-экономических субъектов.

«Phenomenological Nature of Social Capital» (Sergey Solodovnikov, Vyacheslav Shcherbin)

The essence of social capital as a socio-economic phenomenon is revealed in the article. It is understood as a sum of benefits obtained by the subjects from particular mutual information actions (as aggregate interpersonal relations reducing transactional expenses) aiming at mutually beneficial cooperation implemented by means of information exchange. The institutional basis of social capital is shown and the factors which determine its changes are analyzed. It is proved that the specific feature of social capital is that its total amount in society is not a sum of social capitals of all its socio-economic subjects.

Статья поступила в редакцию в июне 2012 г.